

СПИЧКИ

1

Мужчина лет 30-и (Толя) сидит на скамейке в парке и курит. У ног его стоит большая потёртая сумка, явно очень старая и доверху набитая продуктами. Подходит Собачница – в каждой руке по специальной катушке с поводком, на поводках – две разные собаки. Собачнице за сорок, но выглядит она старше – и неопрятно.

Собачница (*подсаживаясь на скамейку*). Послушайте, вы же молодой, зачем вы курите?

Толя. Курится.

Короткая пауза.

Собачница. Как вы сказали?

Толя. Я курю, потому что мне курится.

Собачница (*смеётся*). А мне показалось, вы меня курицей назвали. Смешно получилось.

Толя пожимает плечами.

Собачница. Вам нужна собака. В парк нужно ходить с собакой, а не курить. Нужно свежим воздухом дышать. Вы ещё молодой, а уже лысеть начинаете – всё ваше курение.

Толя. Мне не нужна собака.

Собачница. Почему вы так уверены?

Толя. Потому что мне не нужна собака.

Совсем короткая пауза.

Собачница. Вот зря вы. Никому собака не мешает. Ни вам, ни вашей девушке. У вас ведь есть девушка?

Толя. Две.

Собачница. В смысле?

Толя. В прямом. Одна постарше, другая помладше.

Пауза, во время которой Толя достаёт вторую сигарету из пачки и берёт её из пальцев губами. Собачница смотрит на него отупело.

Собачница. А ничего, что рядом с вами сидит некурящая женщина – а ещё две собаки?

Толя. Это не я к вам подсел, извините. Вон свободная скамейка.

Собачница. Послушайте, вам точно нужно собаку. Вы такой злой.

Толя. Я нормальный.

Собачница. Да вы на людей кидаетесь.

Толя (*пожав плечами*). Да, точно. Я.

Короткая пауза.

Собачница. Если хотите, я вам дам телефончик один, там моя знакомая, у неё как раз щенки...

Толя. У знакомой? Щенки?

Собачница. Ну да. Ну, то есть, у неё колли, а у колли – щенки. Колли прекрасная собака, очень добрая, только шерсти много, но это ерунда.

Толя. Разумеется.

Собачница. А если хотите, есть ещё номер, но там шелти – и они дороже.

Толя. Ещё бы.

Собачница. Но вообще, конечно, лично вам, я думаю, подошёл бы золотистый ретривер, потому что вы сами на ретривера похожи, а вы же знаете, что хозяйева всегда на своих собак похожи.

Толя. Хозяйева?

Собачница. Ну да.

Толя. На собак?

Собачница. Естественно.

Пауза, во время которой Толя вынимает изо рта сигарету, смотрит на неё, мнёт в пальцах, после снова берёт губами и начинает хлопать себя по карманам.

Толя. То есть, получается, вы – помесь этих ваших облезлых шавок? Гибрид?

Короткая пауза. Собачница смотрит отупело на Толю. Собаки нервничают.

Собачница. Какой гибрид?

Толя (*пошарив по карманам и что-то в одном из них обнаружив*). Пересядьте, я сейчас дымить буду.

Собачница (*поднимаясь*). Извращенец.

Толя. А то как же.

Собачница. Спичек тут набросал, свинья.

Толя. Это не мои спички.

Собачница. И не стыдно тебе, кобель?

Толя. Это не мои спички. У меня вообще зажигалка.

Короткая пауза, во время которой Собачница отходит от скамейки на пару метров, но не уходит совсем – стоит, наблюдает за Толей. Тот вынимает из кармана старенький мобильный и тыкает в кнопочки большим пальцем.

Собачница. Ты хоть скажи одной какой-нибудь, что у тебя вторая есть. Зачем врать, грех брать на душу? Что это за жизнь на два фронта?

Толя. Вот такая военная жизнь.

Собачница уходит, раздражённо дёргая за поводки. Толя вынимает из другого кармана коробок спичек, чиркает одной из них, закуривает. Машет спичкой, кладёт потухшую назад в коробок. После нажимает на мобильном кнопку вызова и прикладывает трубку к уху.

Толя. Слушай, я забыл – ты молоко говорила купить? А то я взял. Да? А, ну хорошо. Да, я уже иду, через пять минут.

Пауза, во время которой Толя курит и молчит.

2

Почти ночь. Толя и Максим сидят на скамейке у подъезда, Максим с банкой пива, Толя курит.

Максим. У меня сегодня опять получилось. Теперь всё чаще получается. Слышал про ОСы?

Толя. Про ос?

Максим. Нет, про ОСы. Осознанные сновидения, аббревиатура – О и ЭС, ОСы.

Толя. Нет.

Максим. Серьёзно, что ли? Это сейчас даже модно.

Толя. Мне сны не снятся.

Максим. Сны всем снятся, не все помнят. А осознанные – это уже вопрос тренировок.

Совсем короткая пауза.

Максим. А если она проснётся?

Толя. Ничего, я услышу. Дверь на балконе открыта.

Максим. На кухне бы тихонько посидели.

Толя. Тогда точно проснётся.

Максим. Вынеси гитару, я тебе что-то показать хочу.

Толя. Она сломана.

Максим. Как можно гитару сломать?

Толя. Просто. Уронил и всё – раскололась.

Максим. Жаль. Я бы показал. У меня как раз сегодня получилось, я осознался.

Толя. Что ты сделал?

Максим. Осознался. Понял, что сплю.

Толя. А.

Максим. Прямо во сне песню придумал, представляешь? Ну, вынеси расколотую, я тебе покажу, а ты потом на мусорку снесёшь. Или она совсем не играет?

Толя. Совсем не играет.

Максим. Что, гриф расколотил?

Толя. Ага.

Максим. Ну ты даёшь. А чего не выбрасываешь?

Толя. Пусть будет.

Максим. Давай сложимся, новую тебе купим?

Толя. Нет.

Максим. Почему?

Толя. Я всё равно не играю. Не надо новую.

Максим. Ну блин!..

Толя. Ты так напой.

Максим. Да так не очень интересно будет, я особо петь не умею.

Короткая пауза, во время которой Максим отхлёбывает пиво.

Максим. Там, короче, такие строчки в самом начале – про тебя, кстати, песня – «*к жителю второго этажа жизнь пришла на кончике ножа*», потом проигрыш...

Толя. Так ты спой.

Максим. Да без гитары как-то тупо.

Толя. Тогда ладно.

Максим. И я всю не помню. Но я записал. У меня такой специальный блокнот теперь есть, я туда все свои ОСы записываю.

Толя. Зачем?

Максим. Потом буду в творчестве использовать.

Толя. У тебя есть творчество?

Максим. Ну да. Стихи там, песни.

Толя. А почему про меня песня?

Максим. Ты же на втором живёшь.

Толя. Логично.

Короткая пауза, во время которой Толя достаёт из кармана коробок спичек, проверяет, но там только использованные.

Толя. Посиди, я за спичками схожу.

Максим. Так у тебя же полный коробок.

Толя. Это использованные.

Максим. Так выбрось, зачем ты их собираешь?

Толя. Всё бы тебе выбросить. Я сейчас.

Толя поднимается со скамейки и идёт к подъезду. Максим допивает пиво из банки, после неуклюжим броском отсылает пустую банку в урну. Сидит, хлопает себя по коленкам, напевает что-то тоненьким голосом. Вынимает из кармана смартфон, смотрит на экран, кладёт в карман. Снова напевает. Выходит Толя с абсолютно целой гитарой.

Максим. А говорил – расколота. Зачем врал?

Толя. Это другая.

Максим. У тебя две, что ли?

Толя. Две.

Максим. Вот ты сложный.

Толя. Я простой. На, показывай.

Максим (*принимает гитару, гладит её*). Хорошая?

Толя. Обычная. Давай, я слушаю.

Пауза, во время которой Максим долго усаживается, трогает тихонько струны. Толя смотрит на него, постукивает пальцем по коробку спичек.

Максим. Спит малая?

Толя. Да. Играй давай, мне интересно.

Максим. Слушай, так если хорошо спит – пошли на кухню. Я там тихонечко.

Толя. Чем тебе здесь не нравится?

Максим (*смотрит по сторонам*). Да как-то...

Толя. Никого нету.

Максим вздыхает, после берёт несколько аккордов.

Максим. Сейчас, я вспомню, как там.

Толя. Давай-давай, не торопись.

Максим наигрывает достаточно простенькую мелодию, под которую не очень уверенным голосом поёт:

К жителю второго этажа

Жизнь пришла на кончике ножа...

Максим играет неловкий проигрыш, сбивается, начинает снова – сбивается. Потом ещё раз.

Максим. Сейчас, у меня ещё не очень получается, надо потренироваться.

Толя. Забей пока на красоты. Что там дальше в песне?

Максим. Да нет, тут как раз в проигрыше дело. Во сне хорошо получалось, трогательно.

Толя. Потренируешься – покажешь. Продолжай песню.

Максим. Я не очень сейчас помню, но у меня записано. Давай я за блокнотом сбегаю?

Толя (*несколько грубовато выдёргивает из рук Максима гитару*). Нет. Мне на работу завтра. Я пойду.

Максим. Ну ладно. Дай я ещё раз попробую?

Толя (*протягивает Максиму ладонь для рукопожатия*). Всё, давай. Созвонимся.

Максим (*пожимает протянутую руку*). Ну... хорошо. Давай. Я ночью снова попробую – может, осознаюсь. У меня во сне хорошо песни получаются.

Толя. Везёт. Спокойной ночи.

Максим встаёт со скамейки и уходит. Толя закуривает, аккуратно возвращая использованную спичку в коробок, после начинает играть на гитаре – играет профессионально, в разы лучше Максима. Резко обрывает игру на середине музыкальной фразы, поднимается, давит недокуренную сигарету о край урны и идёт к подъезду.

Толя и Максим на остановке. Толя сидит спокойно на скамейке и курит, Максим меряет шагами расстояние от левой боковой стенки навеса до

правой – и назад. У Максима в руках объёмный пакет, плотно чем-то набитый, ручки оторвались, Максим держит пакет на руках, как ребёнка.

Максим. Выходной же день, всё понятно. Поэтому и людей никого. Да и маршрут не особо популярный. Знаешь, что интересно?

Толя отрицательно качает головой.

Максим. Номер маршрута. Тридцать первый, понимаешь?

Толя пожимает плечами, после поднимается со скамейки, идёт к урне, давит окурок о край и бросает в урну. Возвращается на скамейку, вынимает из пачки новую сигарету, коробок спичек, закуривает, использованную спичку аккуратно укладывая назад в коробок.

Максим. Тридцать первый! Мы с тобой едем на день рождения к человеку, а ему как раз тридцать один год сегодня! Тебя не удивляет такое?

Толя отрицательно качает головой.

Максим. Надо цветов купить, напомни мне.

Толя кивает утвердительно.

Максим. Представь, как было бы шикарно купить тридцать один цветок! Ехать на тридцать первом троллейбусе, потом купить тридцать один цветок и вручить человеку, которому тоже тридцать один. Это же так мощно!.. Что ж его нет так долго, у меня уже ноги болят ждать.

Толя пожимает плечами.

Максим. Ты не выспался, что ли?

Толя кивает утвердительно.

Максим. Как не родной. Тебя что, вообще такие штуки не впечатляют?

Толя пожимает плечами.

Максим. А мне такой сон сегодня снился! Я будто пошёл на кухню, сел, понимаешь, на табуретку и тут вдруг провалился – а там магазин какой-то, и вот в нём...

Незаметно подходит Собачница с двумя собаками на поводках.

Собачница (*не видя ещё толком Толи на скамейке*). Молодые люди, а можно не курить в общественном месте?

Максим. Я вообще-то не курю, у меня руки заняты. И я в принципе не курю.

Собачница. Ну а кто тогда? Воняет же.

Максим. А я тут один, что ли?

Собачница (*смотрит на Толю, узнаёт*). Ааа, вот кто.

Собачница демонстративно отходит на полтора метра в сторону.

Собачница. Давно не виделись. Не купили ещё собачку?

Толя пожимает плечами.

Собачница. Ну ясно всё с вами.

Максим. А вы кто?

Собачница. В каком смысле?

Максим. Ну откуда вы Толю знаете? По работе, что ли?

Собачница. Да нет, не по работе. Случайно в парке познакомились, можно так сказать. Толя, значит. Очень агрессивный молодой человек.

Максим. Толя?

Собачница. Толя, Толя. Ему слова не скажи, на людей бросается.

Максим. На вас не сильно-то бросишься – с такими-то собаками. Как зовут?

Собачница. Можно повежливее? Татьяна Николаевна.

Максим. Очень приятно, конечно, но я про собак спрашивал.

Собачница (*смеётся*). Ааа, вы об этом! Это вот Сашка, а это Петруша, Петя.

Максим. Татьяна Николаевна, а почему у ваших собак имена человеческие? Разве можно собаку Петей называть? Был бы я Петей, мне бы обидно было.

Собачница. А разве собаки от людей сильно отличаются?

Максим. Ну как вам сказать.

Собачница. Некоторые собаки поумнее людей будут. Станет собака курить? Нет. Видели вы хоть раз, как собака спичкой чиркает, а потом мусорит этой самой спичкой в общественном месте (*Собачница демонстративно смотрит в сторону Толи, осуждающе прищурившись*)? Никогда не видели.

Толя ухмыляется.

Собачница *(снова выразительно смотрит на Толю)*. А промискуитет?

Максим. Что, простите?

Собачница. Беспорядочные половые связи.

Максим. А, вы об этом! Ну тут бы я с вами поспорил!.. Кстати, мусульмане собак вообще нечистыми животными считают, как и свиней.

Собачница. А мы с вами мусульмане, что ли? Мы с вами нормальные, православные люди. Надеюсь.

Максим. Я бы не стал так бескомпромиссно про мусульман, кстати. Те же суфии...

Собачница. Кто?

Максим. Суфии. Не слышали разве?

Собачница. Нет. Слово-то какое противное, как будто «суфле». Я суфле с детства ненавижу.

Максим. Да при чём тут суфле? Это люди такие, у них практики специальные. Не видели никогда по телевизору? Кружатся – ну, вокруг своей оси, – в шапочках таких и в одеждах развевающихся. Очень красиво.

Собачница. И зачем они кружатся? Стошнит же.

Максим. Они тренированные. Достигают особенных состояний. Знаете что-нибудь про эзотерику?

Собачница. Читала что-то, но мне такое не очень интересно. Я в храм хожу.

Максим. В храм тоже хорошо, если не просто так.

Собачница. Конечно, не просто так.

Толя в это время ложится на скамейку, вытянув ноги и сложив руки на груди. Собачница и Максим этого не замечают.

Максим. А с собаками туда пускают?

Собачница *(вздыхнув)*. Нет, конечно. Хотя кому они мешают? Посидели бы себе спокойно, они у меня хорошие.

Максим. А я считаю, что правильно, потому что собаки всё-таки. Пусть даже и Дима с Васей. Или как там их?

Собачница *(укоризненно – Максиму, но в то же время нежно – собакам)*. Сашка и Петруша. *(Собакам)* Козюлечки мои.

Максим. Как вы сказали? Козюлечки?

Собачница. Ну да. Козюли. Козюльки. Что тут такого?

Максим. Да нет, ничего. Почему бы и нет, в самом деле.

Толя на скамейке закрыл лицо руками и тихо смеётся.

Максим. А вы знаете, что такое осознанные сновидения?

Собачница. Какие, простите, сновидения?

Максим. Осознанные. Когда понимаешь, что спишь. И можно делать во сне всё что хочется.

Собачница. Нет, со мной такого не бывает. Я вообще сны не люблю.

Максим. Почему? Это же так интересно!

Собачница. Муть это всё. Бесы. Человек во сне себя не может контролировать, вот бесы за него и берутся. Показывают всякое... Гадость, короче.

Максим (*улыбаясь*). Ааа, понимаю, понимаю, о чём вы!

Короткая пауза, во время которой Толя садится на скамейке и достает из карманов сигареты и спички, закуривает.

Собачница. Да что ты понимать можешь, щенок?

Максим чуть не роняет пакет.

Максим. Не понял сейчас. Вы ничего не перепутали, Татьяна Александровна? Или как вас там?

Собачница (*демонстративно дёргает за поводки*). Поговори мне тут ещё.

Максим. А вы чего мне «тыкаете», кстати?

Собачница. Извращенцы!.. Пойдём, Сашенька, пойдём, Петруша. На другую остановку пойдём. Сегодня всё равно тридцать первый не ходит.

Собачница уходит. Максим смотрит на табличку с расписанием маршрутов.

Максим. Да блин!! Толя, а ты чего молчишь? Ты сказать не мог, что ли, что по выходным дням не ходит?

Толя пожимает плечами. Достает из кармана коробок, выдвигает. Пересчитывает использованные спички, шевеля губами. Максим садится рядом с ним, не выпуская пакет из рук, и зачарованно смотрит в коробок.

В одной деревне долгое время не было огня. Это можно было ещё как-то терпеть летом, но ближе к зиме жители деревни стали серьёзно беспокоиться.

Сами они огонь добывать не умели, поэтому старейшинами решено было его украсть. Ближайший держали волки в тёмном лесу, к волкам соваться страшно, но скоро выпал первый снег и терпеть стало невозможно – старейшины выбрали из жителей деревни двух самых крепких мужчин и одного самого хитрого, дали им единственную лошадь, запряжённую в старые сани, кипу соломы, пропитанной смолой, несколько прочных дубинок, хлопнули каждого крепкого мужчину по спине, хитрого наградили подзатыльником – и вытолкали из деревни, наказав без огня не возвращаться.

Лес торчал из земли рядом с деревней, но волки жили глубоко в лесу, в самой тёмной и сырой его части, потому ехать к ним пришлось долго – целый день, целую ночь и ещё почти целый день. К вечеру второго дня мужчины заметили, что дорога становится всё уже, сосны сменились на чёрные ели, а неба почти не видно – будто бы в яму заехали. Лошадка стала нервничать, несколько раз встала на дыбы, а потом и вовсе остановилась, как вкопанная, – никак не сдвинуть. И так темно и страшно среди скрипучих елей, а тут ещё и ночь пришла и забрала последние остатки света, даже звёздам не разрешила светить.

Один из крепких мужчин остался сторожить лошадь, зажав по дубинке в каждой руке, а второй с хитрым сошли с края дорожки и растворились в темноте. Шли они, содрогаясь, на едва различимые звуки – это где-то совсем рядом трещал огонь и ходили вокруг него большие чернильные волки с горящими глазами. Глаза у них горели зеленью, и в этой зелени шевелились оранжевые отсветы высокого пламени.

Мужчины старались ступать очень тихо, их сапоги, подбитые мягким оленьим мехом, едва касались усыпанной иглами и тонким снегом земли, но волки слышат лучше людей – поэтому некоторые из них вышли из круга и сели, прислушиваясь.

Хитрый мужчина вынул из кармана припрятанный заранее пузырёк с оленьей мочой, вытащил зубами пробку и вытряхнул незаметно содержимое крепкому мужчине на спину. Голодные волки, учуяв резкий запах, постепенно остановили кружение и повернулись носами в его сторону. Самые молодые из них тут же бросились на запах, волки постарше последовали за молодняком, немного помедлив. Самые старые остались у огня, внимательно шевеля острыми ушами.

Хитрый мужчина крикнул крепкому – «Спасайся!», и крепкий, перепугавшись, бросился бежать, не разбирая дороги, прочь от рычания и шороха жёсткой шерсти. Хитрый же, надеясь остаться незамеченным в суматохе, побежал что было сил к огню, вынимая на ходу из второго кармана пучок пропитанной смолой соломы и наматывая его на дубинку.

Старые волки заметили хитрого слишком поздно – и тому удалось мазнуть только что сделанным факелом по оранжевому горячему столбу, сыплющему в непроглядное небо гигантскими искрами. Хитрый побежал

назад, к саням и лошади, так, как никогда в жизни не бегал. Старые волки бежали за ним.

Он уже почти добежал до саней, высоко над головой держа потрескивающий факел, но тут один из старых волков прыгнул ему на спину, и...

Дашунь, подожди, телефон. Алло, да. Да. Когда? Да подожди ты плакать, не понимаю ничего. В какой больнице? Я понял. Жди меня там, я сейчас ребёнка соберу, и приедем. Да, с Дашей, мне её не с кем оставить, жена на смене, а к матери далеко везти. Какие соседи, ты что, тут пьют все. Всё, всё, я отключаюсь.

Дашунь, вставай, солнышко. Сейчас будем такси вызывать, поедem к дяде Максиму в больницу. Дядя Максим в больницу попал.

5

Толя и Маша на остановке. Толя курит, Маша внимательно разглядывает свои руки, каждый палец. После со вздохом прячет ладони в карманы плаща.

Маша. Не знаю, куда руки девать. Они мне мешают.

Толя. Тебе не холодно? У меня коньяк есть.

Маша. Не хочу.

Короткая пауза.

Маша. Впрочем, давай.

Толя вынимает из кармана металлическую фляжку и протягивает её Маше, предварительно отвинтив крышку. Маша отпивает глоток, морщится, возвращает фляжку Толе, вытирает губы рукавом плаща.

Маша. Дай сигарету, пожалуйста.

Толя. Они крепкие.

Маша. Не важно.

Толя вынимает из кармана пачку, протягивает Маше. Та вынимает сигарету. Толя из другого кармана достаёт коробок спичек и подаёт Маше, та берёт его неуверенно, словно не зная, что с ним делать.

Маша. А зажигалка есть?

Толя. Нет. Не пользуюсь.

Маша. Принципиально.

Толя. Нет, просто не нравится.

Маша долго и неуклюже пытается закурить, чиркая спичками. Несколько спичек она ломает о коробок и роняет под ноги. Толя наклоняется и собирает сломанные спички.

Толя. Дай я.

Толя ловко зажигает спичку и подносит, прикрывая ладонями, к сигарете Маши. Та закрывает его ладони своими. Несколько раз затягивается. Потом, вздохнув, начинает тихо плакать.

Пауза, во время которой Маша плачет, всхлипывая, а Толя смотрит на неё. Он забыл про сигарету, которая догорела до фильтра и теперь обжигает ему пальцы. Толя вздрагивает, роняет окурок, после, наклонившись, поднимает его и несёт к урне.

Маша (успокаиваясь, сквозь несколько судорожный смех). Ну вот что ты делаешь?

Толя. Убираю мусор.

Маша. Зачем ты поднимаешь чужие окурки?

Толя. Это мой окурок. Я уронил.

Маша. Какая разница?

Толя. Не знаю. Не люблю, когда валяется.

Короткая пауза, во время которой Маша курит, неловко держа сигарету двумя пальцами, а Толя достаёт из пачки ещё одну и закуривает, использованную спичку аккуратно укладывая в коробок.

Маша. Тётя Оля просила телевизор из больницы забрать. У меня не получается, мне...

Толя. Я заберу.

Маша. Мне надо с машиной решать вопрос.

Толя. Я заберу. Всё в порядке.

Маша. Там у него в палате нормальный дядька, он посмотрит, чтобы никто не трогал.

Толя. Только телевизор?

Маша. Да. Всё остальное мы уже забрали, а телевизор тяжёлый. Машина в ремонте, так что сам понимаешь...

Толя. Да, я заберу. Он с коробкой был?

Маша. Нет, кажется. Я не помню.

Толя. Ладно, это не важно.

Короткая пауза, во время которой Маша, пару раз безуспешно затянувшись (сигарета догорела до фильтра), бросает окурочок на асфальт. Толя наклоняется, чтобы поднять его, но Маша наступает на окурочок.

Маша. Прекрати.

Толя. Я выброшу.

Маша. Прекрати. Даже не думай.

Толя выпрямляется. Маша тщательно втирает окурочок в асфальт носком ботинка.

Маша. Завтра подъезжай к десяти. Раньше не надо.

Толя. Хорошо.

Короткая пауза, во время которой Маша снова начинает разглядывать свои пальцы.

Маша. Он такой маленький стал. Какой-то совсем крошечный. И такой спокойный-спокойный.

Толя. Маша.

Маша. Да нет, всё хорошо. Я думаю, хватит тебя и Антона, никого больше звать не будем. Он теперь очень лёгкий. И молчит.

Толя. Маша.

Маша (смеётся). Да всё хорошо. Всё хорошо. Вдвоём погрузите. Если что, то мы с тётёй Олей поможем.

Толя. Маша. Ты слышишь меня?

Маша. Прекрасно слышу.

Толя. Давай к нам поедем.

Маша. Да нет, зачем. Я домой поеду. К нам. К себе.

Толя. Маша.

Маша. К нам. Слушай, ну это наваждение какое-то. Хоть ты отруби их.

Толя берёт ладони Маши в свои, но Маша резко выдёргивает их из рук Толи и прячет в карманы.

Маша. Не надо. Просто не надо.

Очень короткая пауза.

Маша. Такое ощущение, что у нас вообще нет никакого транспорта в городе. Пошли пешком?

Толя кивает. Маша отворачивается от него и быстро идёт от остановки. Толя наклоняется, ногтем выковыривает из асфальта раздавленный окурок, бросает его в урну и идёт за Машей.

6

Толя в больничной палате. На одной из коек – седой, совершенно высохший дедок, на второй – маленький, но задорный темноволосый мужичок с усами. На одной из тумбочек стоит переносной телевизор с телескопической антенной. Толя подходит к дедку, тот смотрит рассеянно, голова его мелко трясётся.

Толя (дедку). Простите, дядя Вася – это вы?

Дедок (плаксиво). Чего?

Толя (громче). Дядя Вася – не вы?

Дедок. Да что ты хочешь?

Усатый мужичок привстаёт на постели.

Мужичок, он же – дядя Вася. Не трогай ты его, у него крыша протекает. Я дядя Вася.

Толя поворачивается к дяде Васе, смотрит на него внимательно, после подходит к нему.

Толя. Дядя Вася, я от Ольги Михайловны, за телевизором. *(Толя выуживает из кармана телефон.)* Я сейчас наберу ей, она подтвердит.

Дядя Вася. Анатолий, что ли?

Толя. Да.

Толя набирает номер.

Дядя Вася. Да не надо никого беспокоить! Спрячь.

Толя (с сомнением убирая телефон). Договорённость была.

Дядя Вася. Ты садись лучше. Вон стул возьми, мне на тебя неудобно снизу смотреть.

Толя берёт стул, садится напротив дяди Васи. Дядя Вася протягивает ему ладонь, Толя пожимает её.

Дядя Вася. Привет, значит.

Толя. Здравствуйте.

Дядя Вася. Хорош уже «выкать». Я не дед ещё.

Дедок (*плаксиво*). Какой дед?

Дядя Вася (*дедку*). Да стихни ты! (*Толе*) Слушай, так надоел, да? Два дня здесь всего, а уже все нервы вынял.

Толя. Давайте я всё-таки позвоню Ольге Михайловне.

Дядя Вася. Ты слушай сюда. Там, в общем, беда какая-то с изображением, но это так сразу было. Это чтоб никаких претензий.

Толя. Ерунда это.

Дядя Вася. Его никто не трогал, я смотрел, чтобы не трогали.

Толя (*махает рукой*). Да забудьте вы.

Дедок. Кто забыл?

Дядя Вася. Стихни, я сказал!

Толя вынимает из кармана сигареты и спички.

Дядя Вася. Ты курить тут собрался, что ли?

Толя (*спохватываясь и рассовывая по карманам то, что достал*). Ох! Извините.

Дядя Вася. Я-то что, по мне так курил бы. Только тут дымоуловители на потолке.

Толя. Задумался.

Дядя Вася. Я понимаю. Когда хоронить будут?

Толя. Послезавтра. Завтра забираем из морга.

Короткая пауза, во время которой дядя Вася приглаживает усы, а дедок начинает плакать.

Дедок. Зачем хоронить? Я не умер же. Я же не умер. Зачем хоронить, не надо хоронить!

Дядя Вася. Никто никого не хоронит, замолчи, я тебя прошу! (*Толе*) И так – целый день. И ночью спать не даёт, плачет без конца. Худой как спичка, откуда силы берутся только?

Толя (*встаёт*). Вы извините, я пойду всё-таки. (*Подходит к телевизору.*) К нему пульт был?

Дядя Вася. Да, он в тумбочке лежит. Для деда бы пульт какой придумали, звук уменьшить. Голова уже болит от криков.

Толя открывает тумбочку, находит пульт, кладёт в карман.

Толя. А он без коробки был?

Дядя Вася. Без коробки. По крайней мере, я никакой коробки не видел. Я тут давно лежу, ещё до Максима. Сначала его привезли, потом телевизор. Только он не смотрел. Его-то и включали пару раз. Я бы, может, и посмотрел, но к чему человека беспокоить?

Толя берёт телевизор поудобнее.

Дедок. Зачем воруешь? Не воруй!

Дядя Вася. Дед, я бы тебя сейчас точно приложил головой об стену, так ты мне всё нутро проел.

Дедок (*чуть спокойнее*). Воровать нехорошо. Посадят. Или в дурдом сдадут.

Дядя Вася (*дедку*). Тебя уже сдали, не беспокойся.

Толя идёт с телевизором к выходу из палаты.

Толя. До свидания.

Дядя Вася. Нет уж, лучше прощай. Нам с тобой видеться не обязательно, особенно здесь.

Толя (*дедку*). Извините.

Дедок. Тебя бог извинять будет, скотина. Вор!

Пауза, во время которой дядя Вася швыряет тапок в дедка. Дедок прячется под одеялом. Дядя Вася, тяжело дыша, откидывается на постель. Толя с трудом протискивается в узкую дверь палаты, стараясь не уронить телевизор.

Дядя Вася. Он тебе кто был? Родственник?

Толя. Друг.

Дядя Вася. Прости, Толя. Я ничего не видел. Я спал. Просыпаюсь утром, а его...

Дедок (*грозно*). Тебя бог простит!

Дядя Вася. Сдохни ты уже наконец!

Толя выходит. Дядя Вася лежит с закрытыми глазами и тяжело дышит. Дедок, прячась под одеялом, бормочет: «Бог простит... Бог простит... Он как раз простит, а я не прощу. Бог простит...» – и так далее.

Антон и Толя сидят на скамейке на берегу озера. Антон кутается в тёплую жилетку с капюшоном, рядом с ним на скамейке – бутылка пива. Толя курит. Истошно, на разрыв орут чайки.

Антон. Я однажды решил покончить с собой.

Толя. Ты правда хочешь поговорить об этом?

Антон. Да нет, я тебе просто рассказываю.

Толя. А.

Антон. Но я трус. Я самый настоящий трус с большой буквы «Тэ».

Короткая пауза, во время которой Антон отпивает из бутылки глоток.

Антон. Мне жутко страшно было вешаться или бросаться из окна, например. То же самое и в метро. Очень боли боюсь. Боюсь, что умру не сразу и буду долго мучиться.

Толя. Ну, немножко потерпеть – и всё.

Антон. Смеёшься, что ли? Я как представляю себе уровень этой боли, так и... *(Махает рукой.)*

Толя. Нервная система просто выключится. Ничего не будешь чувствовать.

Антон. Да? Ну, не знаю. А вдруг не выключится? Я точно не знаю, потому не могу быть уверен на все сто.

Толя. Ладно, всё это лирика.

Антон. Окей, не буду размазывать. Я придумал умереть от переохлаждения.

Толя. Очень интересно.

Антон. Да, безумно. И, главное, проще некуда. Я просто залез в озеро, прямо в одежде, сел на дно – так, чтобы по шею воды было – и остался сидеть.

Толя. Днём, конечно?

Антон. Ночью. Чтобы никто не видел.

Толя. Странно.

Антон. Нет, это не демонстрация была, не крик о помощи, я серьёзно решил себя убить.

Толя. Что пошло не так?

Антон. Какие-то алкаши меня вытащили. Мне времени не хватило переохладиться до нужной степени.

Толя. Это смешно.

Пауза, во время которой Толя давит окурок о край урны и выбрасывает его в урну. Антон смотрит на него с недоверием. Толя садится на скамейку,

берёт новую сигарету, закуривает, аккуратно возвращая использованную спичку в коробок.

Антон. Тут понимаешь какой парадокс. Когда тебе на самом деле одиноко до предела, то хоть в самой гуще толпы падай – никто не подойдёт, будешь лежать пока не потухнешь. Но если тебе хочется одиночества, нестерпимо, до боли хочется одиночества, то тебе его никто не даст – всегда найдутся люди, которые тебя из него выдернут за волосы. И вернут обратно. Вот как меня.

Толя. Что, натурально алкаши вытащили из воды?

Антон. Да. Вообще никакие, сами чуть не утопились. Полезли в воду, орут – «Человек тонет! Человека спасать надо! Человек, не тони!». Я отбиваться стал, мол, оставьте меня в покое. Нет, говорят, не оставим, не дадим хорошему человеку помереть. Я говорю, с чего вы взяли, что я хороший? А они говорят, мол, плохой человек топиться не полезет.

Толя. Так и сказали?

Антон. Так и сказали. Вытащили, по плечу похлопали и ушли. Один из них обернулся, мы, говорит, пойдём скорую вызовем. Потом говорит – «наверное». И всё. Я посидел немного и домой пошёл, под душем греться. Даже не простудился, как ни странно.

Пауза, во время которой Антон допивает пиво из бутылки, а Толя смотрит на него очень внимательно, можно сказать – даже разглядывает.

Толя. Так что получается? – выходит, ты придумал способ проверки себя на одиночество?

Антон. Ну... получается, что так. Хотя, наверное, не совсем. Не знаю.

Толя. Скажем, если я по-настоящему одинок – то меня никто спасти не будет. Так?

Антон. Я бы не стал проверять снова.

Толя. А я бы, наверное, стал. Проверим? Меня?

Антон. В смысле?

Толя. Ну, я сейчас в воду залезу и буду как бы тонуть. А ты будешь сидеть и смотреть.

Антон. Да, сейчас! Не смешно.

Толя. А по-моему, очень смешно. Хочу узнать просто, насколько я одинок. И хочу ли я быть один.

Антон. Очевидно, что не хочешь. Я же тебя вытащу из воды в любом случае.

Толя. А я тебе запрещу.

Антон. Мне на твои запреты, знаешь...

Толя. Что ты заволновался так сразу?

Толя встаёт и идёт поближе к воде. Антон вскакивает, опрокидывая бутылку.

Антон. Давай ты не будешь.

Толя. Давай буду.

Антон. Давай не будешь.

Толя. Нет, давай буду.

Антон. Нет, не будешь.

Толя. Я буду. Буду, не сомневайся.

Толя заходит в воду. Антон подбегает к воде, но войти в неё не решается.

Антон. Лучше выйди.

Толя. А то что? Ты маму позовёшь?

Антон. Если надо будет, и маму позову.

Толя заходит глубже. Антон судорожным движением словно бы пытается разбросать воду кроссовкой. Толя, стоя по колено в воде, закуривает новую сигарету, аккуратно возвращая использованную спичку в коробок.

Антон. Слушай, выйди.

Толя. Нет.

Антон. Я тебе честно скажу. Мне очень не хочется штаны портить. Выйди, пожалуйста.

Толя. Тогда у тебя таких штанов не было?

Антон. Тогда не было.

Антон, вздохнув, заходит в воду, морщась и вздрагивая. Идёт к Толе, берёт его за плечо.

Толя. Подожди.

Антон отпускает плечо Толи.

Толя. С этой точки всё такое другое. Сколько раз сидел здесь на скамейке, а сейчас вообще не узнаю это место, будто бы и не был здесь никогда.

Антон. Вода такая холодная. Тогда теплее была.

Толя. Смотри, вон мой дом. *(Напевает тихонько.)* «К жителю второго этажа жизнь пришла на кончике ножа».

Антон. Что?

Толя. Это песня такая. Была.

Антон. Не слышал никогда. Это пост-панк какой-то?

Толя. Типа того.

Толя идёт из воды к скамейке. Антон следует за ним.

Толя (*садясь на скамейку*). А я боли не боюсь. Я другого боюсь.

Антон (*садясь рядом и досадливо разглядывая испоганенные штаны*).

М?

Толя. Обделаться боюсь. От страха. Как представлю, так неловко становится.

Антон. Кому до этого дело будет в такой момент?

Толя. Мне.

8

Один старый солдат возвращался домой со службы. Шёл пешком по стране, иногда подъезжая на попутном транспорте. Ничего у него с собой не было, кроме шинели, исцарапанной курительной трубки и кисета с табаком, а спички давно кончились. Курить же хотелось невыносимо.

Но к кому только не подходил солдат, у кого не спрашивал – ни один человек не имел при себе огня. Тот не курит, этот огниво дома забыл, а третий вообще – иностранец и ничего не понял. Сунул солдату луковицу – и на том спасибо. Грызая лук словно яблоко, солдат шёл по просёлочной дороге через поле к лесу.

Лес был грозный и чёрный от времени, гигантские стволы слегка сгибались под собственной тяжестью, прислоняясь друг к другу. Над полем синело вечернее небо без единого облака, выводили извилистые трели какие-то птички, солнце ласково грело в спину, подгоняя, но идти прямо сейчас, на пороге ночи, под эти жутковатые деревья солдату совсем не хотелось. Он решил ночевать прямо в поле – на уютной шинели, подложив под голову мешок с вещами.

Однако ночью солдат проснулся из-за острого желания курить. Где-то не очень далеко, как показалось солдату, переговаривались приглушённо как будто бы люди. Солдат привстал и огляделся, толком ничего, конечно, не увидев в ночной темноте. Кроме, разве что, небольшого пятнышка света в той стороне, где узким продолговатым пятном на фоне остальной простой темноты угрюмо и неподвижно чернел лес.

Солдат подумал, что это, может быть, охотники сидят у костра, но только вот зачем посреди ночи? На кого можно было охотиться так поздно? Правда,

тяга курить оказалась куда сильнее логики, потому солдат встал, подхватил шинельку и мешок и направился в сторону светового пятна.

На службе он многое повидал и почти ничего не боялся, но тут немного струхнул – что-то было не так с этим предполагаемым костром. Солдат никак не мог понять, что именно ему не нравится, а тревога его тем временем нарастала. Он шёл всё медленнее, всё нерешительнее, всё чаще останавливался и прислушивался, но голоса разборчивее не становились, а костёр не приближался.

Вот солдат вошёл под деревья, сразу чувствуя сырость и острый грибной запах. Пятно света оказалось почему-то левее, чем было раньше. Солдат пошёл в его сторону, но стоило ему на секунду отвлечься на чуть не хлестнувшую по лицу ветку, как пятно снова сместилось влево.

Идти стало труднее – ели будто бы норовили стать как можно плотнее друг к другу, образуя почти что стену, острые сучки цеплялись за одежду, под ногами хрустели и чавкали огромные скользкие грибы. Костёр постоянно убегал влево, а голоса приобрели отчётливо насмешливый оттенок.

Солдат понял наконец, что это какая-то нехорошая сила так с ним шутит, и решил вернуться в поле и уйти от этого леса как можно дальше.

Солдат развернулся и пошёл в обратную сторону. Но не тут-то было! Свет никуда не подевался, он так же подрагивал слева, иногда на секунду прячась за толстые стволы, но тут же возникая снова. Под ногами опять хрустели грибы, а ветки совсем озверели – они вылетали из темноты и били по лицу, как плети. Голоса уже откровенно хохотали на незнакомом солдату языке.

В очередной раз наткнувшись плечом на колючий ствол, солдат поскользнулся на грибе и с размаху рухнул на спину. Вот тогда над ним и заворочались...

Дашунь, подожди, телефон. Да. Дашку спать укладываю. Ну, ещё не заснула. Почти. Хорошо, я выйду. Да. Через десять минут. Да. Не уходи никуда.

Толя и Маша на скамейке у подъезда. Маша в перчатках.

Маша. Давай будем курить, Толя.

Толя. Может, к нам пойдём?

Маша. Нет, не надо. У тебя там всё своё, я не хочу нарушать. Тем более, Даша спит.

Толя. Она крепко спит.

Маша. Нет, не стоит. Давай просто будем курить.

Толя. Ну давай.

Толя вынимает пачку сигарет, спички. Протягивает пачку Маше, та неловко берёт сигарету. Толя помогает Маше закурить (ладони Маши при этом так и остаются у неё на коленях), потом закуривает сам. Использованную спичку Толя аккуратно возвращает в коробок.

Толя. Что с руками?

Маша. Ничего. Всё хорошо.

Толя. А если честно.

Маша. Честно.

Короткая пауза, во время которой Маша пытается взять сигарету двумя пальцами изо рта, но чуть не роняет её. Толя смотрит на Машу внимательно.

Маша. Уже лучше. Они мне просто очень мешали, понимаешь?

Толя. Теперь не мешают?

Маша. Теперь не мешают.

Толя. Я очень надеюсь, что всё заживёт.

Маша. Конечно, заживёт. Всё заживёт. Всё-всё заживёт. Зарастёт новой кожей. И глаза, и рот, и уши. Один нос останется, чтобы дышать. А всё остальное заживёт напрочь.

Короткая пауза, во время которой Толя аккуратно берёт Машу за плечо. Маша как будто не замечает.

Маша. Не надо, Толь. Не надо. Я не буду, честно. Это я так.

Толя. Пойдём к нам всё-таки. Покушаешь. Там вкусное всё.

Маша. Я знаю, Толь, ты лучше всех готовишь. Только я не хочу есть.

Толя. А надо.

Маша. Надо. И если на автомате, то я ем. Всякую пакость. А так, чтобы вкусное и всерьёз – нет, не могу. Не получается.

Толя. Послушай. Я, наверное, ерунду скажу.

Маша. Скажи ерунду, Толя. Не страшно.

Толя. Давай тебе собаку купим. Или из приюта возьмём.

Маша. Зачем мне собака, Толя? Что я с ней буду делать?

Толя. Ну пусть будет у тебя собака. Почему нет?

Маша. Мне не нужна собака, Толя. Мне мой Максим нужен. Зачем мне собака?

Толя. Чтобы руки были всё время заняты и не мешали.

Короткая пауза, во время которой Толя достаёт из кармана флягу с коньяком и показывает Маше, но та не видит. Толя откручивает крышку и

отпивает глоток, после, слегка прикрутив крышку, ставит флягу на скамейку рядом с Машей.

Маша. А это мысль.

Толя. Тут в парке одна тётка всё время с двумя собаками гуляет. Я могу у неё спросить.

Маша. Ты спроси, Толя. Серьёзно, спроси.

Толя. Хорошо. Завтра же её поищу.

Маша. Давай вместе?

Толя. Ты во сколько заканчиваешь?

Маша. Я в отпуске, Толя.

Толя. Я завтра до пяти. Потом Дашку из сада забираю, за ней бабушка приедет, надо дождаться. В общем, где-то в семь я буду свободен.

Маша. Хорошо, я приду к семи, Толя.

Совсем короткая пауза.

Маша. Ты знаешь, я совсем не могу к Ольге Михайловне ходить. Мне стыдно – жуть. Мне кажется, она думает, что это я виновата.

Толя. Ничего она не думает.

Маша. Нет, знаешь, чисто так по-матерински думает – не верит, что никто не виноват.

Толя. Значит, не ходи.

Маша. Это тоже неправильно.

Ещё одна совсем короткая пауза.

Толя. Завтра узнаем про собаку. Если не получится через тётку, возьмём из приюта. Потом купим всё, что нужно.

Маша. А если она умрёт?

Толя. То есть?

Маша. Ну вот если она заболит и умрёт? Что я буду делать?

Маша резко поднимается со скамейки и уходит. Толя сидит, сигарета давно потухла.

Толя. К жителю второго этажа смерть пришла по лезвию ножа. Или как там.

Толя и Антон сидят на скамейке у озера. Толя курит. Рядом с Антоном стоит двухлитровая пластиковая бутылка пива. Антон ещё не пьян, но уже тёпленький.

Антон. Тебя кусала собака?

Толя. Нет. Никогда.

Антон. А меня кусала. Собственная. Я думаю, мы с Надькой потому и разбежались.

Толя. Из-за собаки?

Антон. Да.

Толя. Потому что тебя покусала ваша собака?

Антон. Её собака. Не наша – её. Моей эта собака не была никогда.

Толя. И что, вот натурально покусала? До крови?

Антон. Тебе показать ногу?

Толя. Нет, не надо.

Антон. Двенадцать швов, между прочим. Ненавижу собак.

Толя. Почему не конкретную собаку?

Антон. Конкретную собаку особенно ненавижу. Я лежу, у меня нога разорвана, ору как... А эта гладит её по кровавой морде и повторяет: «Он тебе не сделал больно? Он тебе не сделал больно?»

Толя. А ты не делал?

Антон *(со вздохом)*. Делал, конечно. Всё время делал.

Толя. Тогда ты сам виноват.

Антон. Ну просто я её ненавижу. Потому что всё вращалось вокруг этой дурацкой суки.

Толя. А ты хотел, чтобы вокруг тебя?

Антон. Хотел. И не с собакой гулять хотел, а с Надькой. В кино ходить, на выставки какие-нибудь. Но нет, я вставал в шесть утра и пёрся с этой псиной на улицу, в любую погоду – говно за ней убирать.

Толя. В смысле?

Антон. А что, оставлять, что ли? На руку пакет – и подбираешь. А потом до мусорки несёшь.

Короткая пауза, во время которой Антон отхлёбывает из бутылки, протягивает её Толе, но тот жестом отказывается, достаёт новую сигарету и закуривает, использованную спичку аккуратно возвращая в коробок.

Толя. Так ты считаешь, нам не нужна собака?

Антон. Нам?

Толя. Ну, нам. Всем. Тебе, Маше. Мне.

Антон. Зачем? Ты не понимаешь разве, что она всё внимание на себя обязательно соберёт? Что не будет никого больше, кроме этой собаки?

Короткая пауза, во время которой Антон ещё раз отхлёбывает из бутылки.

Толя. Так, может, в этом и смысл?

Антон. Ну... не знаю. Я не подписываюсь в этом участвовать. Без меня, пожалуйста. У меня до сих пор нога болит.

Толя. У моего деда ноги вообще не было. И тоже болела.

Антон. А, ну это знаю. Фантомные боли.

Толя. Да, они.

Антон. Ну и что? К чему это?

Толя. Когда деду сделали наконец протез, то его нога, которой уже много лет не было, потихоньку болеть перестала.

Антон. Я не понимаю твоих сложных метафор, если честно.

Совсем короткая пауза.

Антон. Меня всегда раздражали все эти люди с собаками на улицах. В этом есть что-то противоестественное. Я вообще считаю, что животным не место в городе. Хомячкам и рыбкам разве что. Нет, я ещё понимаю, когда собака маленькая – декоративная, да? Но сколько раз, бывает, видишь – идёт с поводком, а сама этой собаки меньше. И это не она собаку выгуливает, это собака её за собой тащит. Я один раз наблюдал, как две такие псины друг на друга кинулись. Тётки за ними натурально на животах по снегу ехали – и ничего сделать не могли. Попробуй разними таких зверюг... А тут я сам стал с такой ходить. Предатель. Так и не смог избавиться от стыда, пока от Надьки не ушёл. И никогда, кстати, не разговаривал с другими собачниками. Знаешь, есть у них такая манера – дружить собаками. Так вот, я всегда один гулял. Далеко в парк шёл, где никого нет никогда.

Толя. Не обязательно же брать псину.

Антон. Ну а что? Пуделя?

Толя. Почему сразу пуделя? Есть же золотистый ретривер, например.

Антон. Да ну их всех. Тоже мне – тема для разговора. Все они одинаковые.

Пауза, во время которой Толя и Антон смотрят на озеро. Толя – внимательно, Антон – понуро. Антон отхлёбывает пиво.

Антон. Все они одинаковые. Всем надо одно и то же. А без них тоже не получается. Сволочная человеческая природа. Как ни пытаешься выключить

эту программу, а всё равно тянет. Не знаю, может, надо как-то до старости дотерпеть, когда уже пофиг будет. Когда ничего хотеться не будет, только чтобы не трогали. Чтобы никаких собак, никаких женщин. Никого вообще.

Толя. А я думаю, что наоборот будет. Захочется полной жизни, а уже поздно. На гроб собирать надо.

Антон. Ты знаешь, я ведь уже завещание написал.

Толя. Не рановато?

Антон. Нет. Умереть же в любой момент можно.

Толя. Можно, но не нужно.

Антон. Ну, тут уже сам не выбираешь.

Толя. Помнится, ты как раз сам и хотел.

Антон. Так вот тогда и написал. Попросил, чтобы кремировали. Чтобы никакой этой ритуальной фигни – гробов, венков, ужаса всего этого. Чтобы сожгли, а пепел в озеро высыпали.

Толя. Почему не в море?

Антон. Потому что далеко море. И никто не поедет.

Толя. Ну давай я поеду.

Антон. Ха. Нет. Я переписывать не буду. Оно у меня уже нотариусом заверено – и лежит в нужном месте.

Толя. А я давно на море не ездил. В детстве последний раз, а потом не получалось никак. А тут бы повод был серьёзный.

Антон. Шутки у тебя...

Толя. А я не шучу.

Антон. А ты, значит, всех пережить собираешься?

Толя. Всех.

Антон. Зачем?

Толя. Чтобы никому больно не было из-за меня.

Антон. Пусть лучше тебе постоянно больно будет? Из-за всех?

Толя. Пусть лучше мне.

Совсем короткая пауза.

Антон. Ты такой дурак, Толян.

Толя и Маша идут по парку. Никого нет. На скамейках – крупные капли воды.

Маша. Мы не рановато?

Толя. Ну, я её тут последний раз видел примерно в это время.

Маша. У меня такое ощущение, что никого здесь больше не будет сегодня, кроме нас.

Толя. Мы торопимся?

Маша. Тебе, может, домой надо? Я бы сама.

Толя. Да ты её не узнаешь.

Маша. Нет, правда. Давай ты домой пойдёшь. Я надеюсь, ты Дашку одну не оставил?

Толя. Нет, конечно. Она у бабушки.

Маша. Она у тебя постоянно у бабушки. А Света как будто бы дома не живёт.

Толя. Почти и не живёт. Работы много.

Маша. А у тебя?

Толя. А у меня рабочий день закончился.

Совсем короткая пауза.

Маша. Давай тогда курить, Толя. Раз ты не хочешь о себе ничего рассказывать.

Толя. Я рассказываю.

Маша. Ну да. Ты как рыцарь. Только не в том смысле, что галантный. Хотя и не без этого.

Толя. Спасибо.

Маша. Пожалуйста. Тебе не тяжело на себе этот костюмчик железный таскать всё время?

Толя. Я не понимаю, о чём ты. Честно.

Маша. Ну, раз не понимаешь, то давай курить.

Толя. Давай потом покурим.

Маша. Что-то совсем на тебя не похоже.

Толя. Просто не хочу тётку раздражать. Она бесится из-за курева.

Маша. Может, давай из приюта всё-таки?

Толя. Ну, если с ней не получится, то пойдём в приют. А так вполне возможно, что породистую дешевле купим.

Маша. Ты сам веришь в то, что говоришь?

Толя. А почему нет? Вряд ли в приюте будет шелти. Или ретривер тот же.

Маша. Ну и пусть не будет. Какая разница? Возьмём обыкновенную.

Толя. Обыкновенную всегда успеем.

Маша. Толя, я передумала. Давай покурим и пойдём.

Толя. Подожди ещё пять минут.

Маша. Нет, я совсем передумала. Не хочу собаку. Не хочу.

Толя. Передумай ещё раз. Пусть будет собака. Будем брать к себе по очереди – недельку ты, недельку я. Антон не в доле, он отказался.

Маша. Боится собак?

Толя. Женщин.

Маша. И какая связь?

Толя. Это я так. Шучу.

Маша. Ну окей. А если мне, например, надолго уехать надо будет?

Толя. Я же говорю – у нас побудет.

Маша. У твоих аллергии на животных нет?

Толя. Нет. Вроде бы. Не знаю. У нас животных никогда не было.

Маша. А у тебя самого был кто-нибудь в детстве?

Толя. Брат.

Маша. Дурак. Я про питомцев.

Толя. Майский жук у меня был. В спичечном коробке.

Маша. Ну смешно же, Толя.

Толя. Нет, серьёзно. Он даже телевизор вместе со мной смотрел. Я его рядом с собой сажал, и он смотрел.

Маша. Жук?

Толя. Ну да.

Маша. И сколько он так с тобой телевизор смотрел?

Толя. Пару дней. Потом на него отец наступил.

Маша (*показывает Толе за спину*). Смотри, это не твоя тётка?

В сторону Толи и Маши идёт Собачница с двумя собаками на поводках. Толя оборачивается.

Толя. Она. (*Собачнице*) Татьяна Николаевна!

Собачница останавливается в пяти метрах от Толи и Маши.

Собачница. А. Ты.

Толя. Татьяна Николаевна, помните, вы мне обещали номер дать, если я вдруг собаку задумаю завести.

Собачница. Ничего я такого не помню. (*Маше*) Девушка, а вы в курсе, что него ещё одна есть?

Маша. Кто «ещё одна»?

Собачница. Любовница.

Маша. Толя, что за бред она несёт?

Толя. Не обращай внимания.

Маша. Она того, что ли? С придурью?

Собачница. Сама ты того, раз тебя такая ситуация устраивает.

Маша. Толя, о какой ситуации речь?

Толя. Просто не обращай внимания. Я с ней поговорю.

Толя идёт к Собачнице, та агрессивно дёргает за поводки.

Собачница. Я же собак спущу, Толя. Не подходи.

Толя. Татьяна Николаевна, вы мне только номер телефона запишите, и мы пойдём.

Маша. Толя, пойдём отсюда. Она же и правда собак спустит.

Толя. Это ничего, меня любят животные.

Собачница. Сейчас проверим.

Толя. Татьяна Николаевна, откуда столько агрессии, я понять не могу?

Собачница. С вами, нехристями, по-другому нельзя.

Маша. Толя, не связывайся с этой...

Собачница. А ты рот закрой, да? Прошмандовка.

Толя быстро подходит к Собачнице и коротко бьёт её по лицу, не замечая, что та вынула из кармана короткий ножик. Собачница несколько раз пыряет Толю ножом в живот – две катушки с поводками она держит в левой руке, напрочь позабыв про собак. Маша этого не видит.

Толя. Да зачем вы мне куртку портите?

Собачница. Я тебя сейчас всего испорчу.

Толя. Он же крошечный, подлиннее надо было.

Собачница. Какой был.

Маша бежит к Толе. Тот стоит, после у него подгибаются колени – и он неловко садится на землю. Собачница, перепугавшись, бросает катушки с поводками и бежит. Собаки бегут за ней с лаем, волоча по земле поводки с катушками.

Маша. Толя!

Толя пытается встать, но у него не получается.

Маша. Она тебя порезала? Толя? Покажи, где?

Толя (смеётся). И что ты там хочешь увидеть? Огонь?

Толя заваливается на бок. Маша хватает его за куртку и пытается усадить, одновременно выуживая из кармана своего пальто мобильный.

Маша. Прекрати, слышишь?

Толя. Не звони никуда. Сейчас домой пойдём.

Толя с трудом поднимается на ноги. Маша пытается ему помочь. Толя вынимает из кармана сигареты и коробок спичек.

Толя. Я сейчас буду как Цой. Только снега нету.

Маша. Какой Цой, Толя? Какой снег?

Толя. Белый. Пушистый. Который падает на фонари и тает.

12

У одних людей, которые жили в долине, никогда не было огня, поэтому ночью им приходилось сидеть в крошечной темноте и мёрзнуть. Спать по ночам они боялись из-за ночных хищников, потому спали днём, но какой днём сон? Люди из долины не высыпались и ходили потом остаток дня раздражённые и злые, а ночью садились в кружок и боялись. Ели они мало, невкусно и постоянно болели.

В горах над долиной жили другие люди, у которых огонь был давно. Понятное дело, жили они намного лучше людей из долины. Хорошо ели, ночью спали вдоволь – вокруг костра, которого боялись ночные хищники.

Один из горных людей, внимательный и зоркий, видел сверху, как плохо живут без огня люди в долине. Он долго наблюдал за тем, как долинные люди чихают и кашляют, бродят бесцельно с серыми лицами или просто лежат на холодной земле, пытаясь выспаться. Сердце горца постоянно больно сжималось из-за увиденного, и в один из особо неприятных пасмурных дней он не выдержал и пошёл к своему отцу, который был самым главным горным человеком.

Отец, сказал зоркий горец, люди в долине совсем извелись без огня, а у нас его много. Можно я отнесу им несколько горячих угольков? Отец подумал, оглаживая длинную бороду, несколько долгих минут, а после сказал, что в этом нет смысла. Потому как обретя огонь долинные люди обретут и силу. А кто знает, не захочется ли им после этого забрать у горных людей вообще всё и – что ещё хуже – самим поселиться в горах?

Ты прав, отец, сказал зоркий горец и ушёл, вздыхая, к жене и детям. Однако следующей же ночью он бесшумным зверем пробрался к костру, не беспокоя спящих, и вынул из него несколько самых больших угольков. Положил их на плоский камень и стал осторожно спускаться с гор вниз, стараясь не уронить драгоценный груз.

Между горами и долиной тянулась узкая полоска старого, полумёртвого леса – чёрные ели и корявые сосны с мишенями паутин на ветвях. В лесу жили поджарые чёрные волки – и зоркий горец об этом знал, потому предварительно вымазался вонючей дрянью из помойной ямы, чтобы пахло от него противно и несъедобно. Шёл он по лесу медленно, выверяя каждый шаг и прикрывая угольки на камне ладонью.

Горец был человеком смелым, но чёрных волков всё-таки побаивался. Старые люди говорили, что чёрные волки – это бывшие люди, которые умерли

на огне ещё в те давние времена, когда одни люди употребляли других в пищу, предварительно зажавив. Теперь же волки, по словам стариков, в отместку ели тех, кто пользовался огнём, а у горца как раз светились угли на камне.

Горец почти уже вышел из лесу, как вдруг зацепился ногой за торчащий дугой из земли корень и растянулся во весь рост, выпустив из рук драгоценный камень с углями.

Горец чуть не заплакал от ужаса и досады и хотел было, вскочив, собрать угли на камень, но тут из-за деревьев вышли узкие острые тени с горящими ядовитой зеленью парами глаз. Волки! – подумал криком горец, готовясь умирать.

Однако волки не тронули его. Они молча проглотили все угли, кроме одного, из которого высунулся вдруг тонкий оранжевый язычок и принялся пожирать усохшую траву.

Горец ринулся было бежать обратно в горы, но зацепился за тот же корень и упал, ударившись головой и потеряв сознание. Маленький огонёк вырос в большой и подобрался к лежащему без движения горцу. Одежда на нём загорелась, только горец ничего не почувствовал. Он не очнулся – даже когда его руки вытянулись в тонкие чёрные лапы и...

Дашунь, подожди, телефон. Да. Нет, Дашку укладываю. Да. Нет, мам, не надо завтра. Прекрати извиняться, никто не спит ещё. Ну забыла, ну и что? Нет, не приезжай, я дома буду. Да, дома. Целую неделю дома. Ничего, всё в порядке, просто на больничном. Нет, не грипп. Порезался на работе. Нет, ерунда совсем. Честно. Честно. Да, честно. Всё, мам, пойду. Да. Спокойной ночи.

Толя, Антон и Маша сидят на кухне у Толи. Рядом с Антоном на столе – бутылка пива, с Машей – чашка чая. Толя сидит без ничего, руки спокойно лежат на коленях.

Маша. Толя, а где пепельница?

Толя (*привставая*). Сейчас.

Маша. Да сиди ты, я сама возьму.

Толя. В духовке.

Маша (*открывая духовку и вынимая из неё пепельницу*). А почему здесь?

Толя. Она всё равно не работает.

Антон. От Светки прячешь?

Толя. Я взрослый человек. Мне прятать нечего.

Совсем короткая пауза.

Маша. Толя. Ты курить, что ли, бросаешь?

Толя. Нет. Просто не хочется.

Антон. Тебе курить не хочется? Тебе?

Толя. Мне. Не хочется.

Маша. Ему нельзя, наверное.

Толя. Всё мне можно. Просто не хочу.

Антон. Противно?

Толя. Нет, не противно.

Антон. Ну я не понимаю тогда.

Маша. Так а сигареты у тебя есть?

Толя. В куртке, наверное.

Маша поднимается и выходит из кухни, поставив на стол пепельницу. Антон берёт бутылку, смотрит на Толю, после ставит на стол, так и не выпив.

Толя (смеётся). Да прекрати ты.

Антон. Может быть, ты и прав. Наверное, пора уже завязывать.

Толя. Ты меня неправильно понял.

Возвращается Маша с пачкой сигарет, садится, кладёт сигареты рядом с пепельницей.

Маша. Новенькая, в плёнке. Натурально бросил, да, Толя?

Толя. Нет.

Маша. Тогда я не понимаю. И скажи, где спички.

Толя. На плите посмотри.

Маша идёт к плите, находит спички, возвращается, садится.

Маша (показывая на сигареты). Я распакую, ты не против?

Толя. Нет, не против.

Маша неумело сдирает с пачки плёнку, вынимает сигарету, закуривает. Спичку кладёт в пепельницу.

Маша (Антону). Слушай, надо, наверное, ещё подежурить в парке. Вдруг она вернётся всё-таки.

Антон. Маш, если её милиция не нашла...

Маша. Милиция и не искала особо. Делать им нечего. Портреты повесили по магазинам и всё.

Антон. Я-то её не видел. Что мне этот портрет.

Маша. Я видела – и что? Совсем не помню. Описала как могла, и, мне кажется, совсем непохоже получилось.

Антон. Ну, может, кто-то узнает. Сообщит.

Маша. Таких тёток по району – вагон. Одинаковые все. Какая из них она? Я, наверное, узнаю, если увижу её в парке как раз, с собаками, а так...

Толя тихонько встаёт и уходит.

Антон. Проверишь Дашку? Может, раскрылась.

Маша. Покурю и схожу.

Антон. Ты же не курила раньше?

Маша. А сейчас курю. Какая разница?

Антон. Ну... вредно.

Маша. Правда? Удивил, честное слово.

Антон. А я вот никогда не курил и не собираюсь.

Маша. Молодец. Можешь даже за это выпить.

Антон берёт бутылку и как бы отдаёт честь, слегка прикоснувшись бутылкой к виску.

Антон. Твоё здоровье.

Антон отпивает глоток.

Маша. Как будто бы Толя с нами, да?

Антон. Маш, не начинай.

Маша. Нет-нет, со мной нормально всё. Ощущение просто такое. Будто бы он тут сидел с нами – и на пару минут вышел. И сейчас вернётся.

Антон. Ты у него дома, вот тебе и кажется. А я не такой впечатлительный.

Маша. Ты просто козёл, Антоша.

Антон. Ну и пусть. Мне не обидно, знаешь ли.

Маша. А зря. Лучше бы ты обиделся.

Антон. Ага. И драться к тебе полез бы.

Маша. Ну, это в твоём репертуаре. С женщинами драться.

Антон. Это бред, Маша. Самый обыкновенный бред.

Очень длинная пауза, во время которой Маша и Антон смотрят в разные стороны.

Маша (смотрит на часы на руке). Света скоро придёт.

Антон (смотрит на свои часы, вздыхает). Да. (Встаёт.) Ладно, я пошёл.

Проверь Дашу.

Маша. Не беспокойся. И да, Антош.

Антон (остановившись в дверях кухни). М?

Маша. Постарайся завтра к Толиной маме в больницу всё-таки без пива прийти. Хорошо?

Антон. Я попробую.

Маша. Смотри мне. Всё, давай. Целую.

Антон (выходя). Взаимно.

Маша давит потухшую сигарету в пепельнице. После вынимает из пачки новую, закуривает от спички. Смотрит на горящую спичку. Дует на неё. Спичка гаснет. Маша зажигает новую, смотрит на огонь, снова дует. Спичка гаснет. Маша зажигает новую, смотрит на огонь, снова дует. Спичка гаснет. Маша зажигает новую, смотрит на огонь, снова дует. Спичка гаснет. Маша зажигает новую, смотрит на огонь, снова дует. Спичка гаснет. И т.д. до последней спички.

Один человек однажды собрал все свои вещи, которых у него было не так много, и поехал с ними в лес.

В лесу было темно и сыро, высокие старые ели даже не скрипели на ветру – и дождь не попадал на землю под ними, оседая по пути вниз на широких ветвях.

Человек нашёл подходящее место, сложил на нём все свои вещи и пошёл вокруг них по спирали – собирать хворост. Набрав столько, сколько ему было нужно, человек умело и быстро развёл костёр.

Огонь получился сильным и настолько ярким, что был даже не оранжевым, а почти белым. Человек присел у огня прямо на землю, расшнуровал большой походный рюкзак и вынул из него толстую пачку писем, крест-накрест заклеенную скотчем. Письма отправились в огонь, за ними последовала пухлая тетрадка в твёрдой обложке.

Вещь за вещью выуживал человек из рюкзака и отправлял в огонь.

Любимый фонарик, свёрнутые в трубку детские рисунки, потрёпанные видеокассеты без коробок, залоснившиеся игрушки без лап, хвостов и ушей, парочка фотоальбомов, перочинный нож, тонкая книжка в зелёной обложке с плохо нарисованными ладонями, курительная трубка, кисет с табаком, кошелёк, паспорт, катушка синей изолянт, дырявая футболка с лицом в очках за колючей проволокой, мобильный телефон с зарядным устройством, коробка с давно слипшимися насмерть леденцами и много чего ещё.

Когда вещи кончились, человек отправил в огонь пустой рюкзак, а за ним – привезённую отдельно гитару. Костёр стал выше и громче – и уже не просто трещал, а гудел, выбрасывая вверх острые лапы искр.

Человек снял обувь и тоже скормил костру. А после встал и просто вошёл в огонь, загоревшись сразу весело и ярко, став прозрачным и невесомым – и горел, как змеиная шкурка, сворачиваясь и постепенно исчезая.

Когда же его не стало совсем, из костра воздушным шагом вышел кто-то другой и пошёл из лесу прочь.

А может быть, нам показалось.

Так странно и пронзительно
Сегодня ночь устроена –
И будто бы не жил ещё,
И будто бы уже.

С ума сошёл, и, видимо,
Назад теперь всю ночь идти,
Босыми топтать пятками
По мокрому песку.

Болезнь потом решительно,
Выкашливая лёгкие,
Лежать под одеялами
И в потолок смотреть.

И ставить под сомнение
Возможность возвращения –
Ведь если дом покинул ты,
Назад уже никак.

Пусть даже всё знакомое,
Родное и привычное,
Но ты теперь – не ты теперь,
А просто друг семьи.

Так странно и волнующе
Внутри меня устроено –
И будто бы не я совсем,
А будто бы и я.

И вся моя история
Всплыла и томно крутится –

Как спелая черничина
В топлёном молоке.

The End

Май 2015